

БОГОСЛОВИЕ

УДК 2-762

Иерей Дионисий Васильев

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ АПОЛОГЕТИКИ В СВЯТООТЕЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЯХ НА ПЕРВУЮ ГЛАВУ КНИГИ БЫТИЯ

Аннотация: Статья посвящена святоотеческим принципам апологетики. Рассмотрены высказывания святых отцов IV–V вв. по Р.Х. – свт. Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского, блж. Августина Иппонского, а также свт. Филарета (Дроздова) (XIX в.), определяющие подход авторов к защите Православия, содержащиеся в их комментариях на первую главу Книги Бытия. Автор приходит к выводу, что толкования на первую главу Книги Бытия показывают, что апологетическая деятельность святых отцов сопровождалась их активной саморефлексией.

Ключевые слова: *Православие, апологетика, наука, религия, святые отцы, комментарии, Книга Бытия.*

Цитирование: *Васильев Д. В., иерей.* Общие принципы апологетики в святоотеческих комментариях на первую главу Книги Бытия / иерей Д. В. Васильев // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2 (27). С. 19–36.

Сведения об авторе: Дионисий Викторович Васильев, иерей – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Новосибирской православной духовной семинарии (Россия, Бердск). E-mail: vdv81@mail.ru

Поступила в редакцию 07.04.2023

Принята к публикации 19.04.2023

Постоянная актуальность апологетики обусловлена необходимостью защиты православного учения от внутренних и внешних недругов, а также насущными задачами евангельской проповеди: «Легковерность привела к тому, что люди считают: наука доказала, что Бога нет, мы живём в научную эпоху и верить в Бога, по крайней мере, смешно» [7]; «...многие образо-

ванные и интеллигентные люди совсем не интересуются христианским учением, считая его невежественным обскурантизмом» [9, с. 52]. По замечанию профессора А.И. Осипова, «апологетика (от греч. ἀπολογία – защита, оправдание, заступничество; речь, сказанная или написанная в защиту кого-либо...) в общем смысле – это любая защита христианства от обвинений и критики со стороны его противников» [8, с. 9]. Определённые общественные круги, до сих пор находящиеся под влиянием воинствующего безбожия, противятся любым здравым констатациям наличия во вселенной всеобъемлющего замысла, свидетельствующего о Премудром Творце. Те же круги по мере сил препятствуют проникновению в общественное сознание знаний о Боге даже в форме сухих культурологических нарративов в рамках, например, школьного курса основ православной культуры.

В связи с этим непреходящее значение имеет ответ церковного богословия в лице своих лучших представителей на вызов материалистических концепций. На наш взгляд, интерес представляет как собственно аргументация христианских писателей, так и их принципиальный подход к защите веры перед лицом тех, кто считает религию несовместимой с научным знанием: «Проповедь христианства – сложное и ответственное дело... Оно с необходимостью предполагает и знание ответа на главные волнующие современников вопросы» [8, с. 8].

Способы решения актуальных апологетических задач авторитетными церковными писателями-проповедниками, несомненно, должны присутствовать в деятельности современных продолжателей их дела. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Усвой себе мысли и дух святых Отцов... Как единомысленный и единокоренный святым Отцам, ты спасёшься» [5, с. 16]. В соответствии с этим принципом в поисках святоотеческого подхода к апологетике нами были рассмотрены труды общепризнанных светил богословия, касавшихся изучаемой темы:

- Свт. Василия Великого (330–379) – «Беседы на Шестоднев»;
- Свт. Григория Нисского (335–394) – «О Шестодневе, Слово защитительное брату Петру»;
- Свт. Амвросия Медиоланского (340–397) – «Шестоднев»;
- Свт. Иоанна Златоуста (347–407) – «Беседы на Книгу Бытия»;
- Блж. Августина Иппонского (354–430) – «О Книге Бытия»;
- Митр. Московского Филарета (Дроздова) (1782–1867) – «Толкование на Книгу Бытия».

Как легко видеть, круг исследуемых текстов – комментарии на первую главу Книги Бытия, повествующую о творении мира. Причина именно такого выбора – характер первоисточника, затрагивающего фундаментальные вопросы о Боге, творении мира, происхождении жизни и человека: «Понимание бытия, или сущего (онтология), является ключевым как для христианства, так и для философии, поскольку определяет принципиальный взгляд на все прочие проблемы веры и знания. В христианской апологетике оно включает в себя круг вопросов, связанных с религиозно-философским осмыслением учения о Боге и Его бытии, бытии сверхчувственного мира, о творении, об отношении между Богом и миром (и человеком)» [8, с. 13].

Анализ вышеуказанных источников, на наш взгляд, позволяет выделить следующие важные принципы проповеди свв. отцов – комментаторов первой главы Книги Бытия.

1. Охранительная роль Священного Писания; преемственность его духовного содержания. Святые отцы и прямо говорят о роли Священного Писания в жизни человечества – о восстановлении подлинного богопознания и богопочитания. Например, свт. Иоанн Златоуст рисует картину погрязшего в грехе и потому утратившего прямое богообщение челове-

ства, для которого Священное Писание стало одним из средств ко спасению: «Когда же весь род человеческий впал в великое нечестие, и тогда совершенно не отвратился Создатель от всего рода человеческого; но так как люди сделались недостойными беседы с Ним, то желая возобновить общение с ними, посылает к людям, как будто к находящимся вдали, писание, чтобы привлечь к себе весь род человеческий» [6, с. 9]. Средство это, бережно сохранённое ветхозаветной Церковью, в полной мере перешло к новозаветной и было наилучшим образом восполнено: «Тот <Моисей – иер. Д.В.>, приняв род человеческий в самом начале, научил слушателей первым начаткам; а эти <апостолы – иер. Д.В.>, приняв его от Моисея, передали уже совершеннейшее учение» [6, с. 11].

В общем, Священное Писание – святыня, подлинное Слово Божие, предназначенное для спасения читающих и слушающих в веках. Более того, категорическая необходимость в Писании обусловлена трагической неспособностью человека в его текущем состоянии вступать в прямое богообщение.

2. Понятие о целесообразности творения. В своих трудах святые отцы указывают на важнейшую предпосылку научной деятельности, не исключая, естественно, и богословскую – единую божественную премудрость, которой причастны и мир вокруг нас, и наш собственный разум. Так, свт. Василий Великий отмечает: «В нас вложен природный разум, который учит присваивать себе доброе, а удалять от себя вредное» [3, с. 113].

С ним согласен свт. Григорий Нисский. Творение Божие несёт на себе неизгладимую печать божественного промысла: «Но на каждый вопрос о веществе решение у нас одно – не предполагать, будто бы премудрость Божия не могущественна, и могущество не премудро; а напротив того держаться той мысли, что одно с другим неразрывно, что то и другое оказывается одним и тем же, так что совокупно и вместе с одним усматривается и другое. Ибо премудрая воля Божия явлена могуществом в со-

вершаемом, а действительное могущество Божие довершено премудрою волею» [4].

Итак, центральной предпосылкой богословия, по святым отцам, является очевидно разумное и целесообразное устройство как мира, так и человеческого ума. Именно действие единого божественного замысла во вселенной и в человеке позволяет разуму человека, обладающего чертами богоподобия, «узнавать» явления действительности и овладевать ими. Без данного свойства невозможно не только богословие, но и познание в принципе.

3. Постулирование невозможности полного постижения сущности Бога и Его Промысла. При том, что, как отмечено выше, видимый мир устроен разумно и доступен для постижения человеком, необходимо помнить, что весь божественный замысел всё же не может быть объят человеческим умом. Об этом, в частности, прямо говорит свт. Василий Великий: «Он – то, что ускользает от восприятия твоего разума; Он не ограничен величиной, не имеет (досл.: не охвачен) внешних очертаний, не соразмерен никакой силе, не связан временем, не заключён ни в какие границы. К Богу не приложимо то, что приложимо к нам» [3, с. 154].

С Василием Великим согласен свт. Григорий Нисский. Он подчёркивает, что мироздание во всей его сложности принципиально недоступно для человека: «Ибо подлинно единому Богу свойственно было видеть, что свет будет таким добром; нищета же нашего естества смотрит только на то, что совершилось, а закона, по которому совершается это, ни увидеть, ни похвалить не в состоянии; потому что похвала воздаётся тому, что познано, а не тому, что не известно» [4]. Данный факт, по мнению святителя, не должен вызывать удивления в связи с повреждённостью человеческой природы: «Если же затруднится сим дебелость нашего ума, будучи не в состоянии проникнуть в тонкость Божией премудрости: то никто да не дивится тому, взирая на бедность нашего естества, для которого вождеделенно не то, чтобы ни в чём

не погрешать, но чтобы в состоянии быть постигнуть хотя что-либо одно» [4].

Свт. Иоанн Златоуст добавляет: непостижимость мироздания во всей полноте является поводом для священного трепета перед Творцом – «И то самое, что мы не в состоянии постигнуть и понять цель всего сотворенного, пусть будет для нас не основанием неверия, но побуждением к славословию» [6, с. 56]. И в другом месте святой говорит о естественных границах человеческого ума, несравнимого с божественным: «Когда разумок твой окажется бессильным и ум не будет в состоянии понять, тогда заключай о величии твоего Господа из того самага, что могущество Его таково, что мы не знаем с точностью даже цели созданного Им [6, с. 56].

Итог как бы подводит свт. Филарет (Дроздов): «Вместо бесплодного исследования сего мнения довольно признаться с Августином, что достоверность Св. Писания простирается далее пределов нашего разумения» [10, с. 38].

Смирение перед божественной премудростью, трезвое осознание границ человеческих возможностей в постижении мироздания – необходимое условие не только плодотворного и душеспасительного богословствования, но и научного поиска. Отметим также благочестивый скепсис святых в отношении полного познания человеком мироустройства: повреждённая природа человека более не обладает для этого необходимыми предпосылками.

4. Тесная связь успеха проповеди с благочестием проповедника. Далее святые отцы указывают на такое принципиально важное условие богословской деятельности, как личное благочестие богослова. В частности, свт. Григорий Нисский говорит о наличии предпосылок к пониманию Священного Писания у того, кто хранит благодать и пребывает в молитве: «Итак, если, любопытствуя о сем и подобном сему, усиливаешься познать всё возвышенное, то сам своею мудростию можешь

увидеть и что сокрыто во мраке Моисеева видения, не к другому кому обращаясь, но к той благодати, которая в тебе, и глубины Божии испытывая тем Духом откровения, Который является в тебе по молитвам» [4].

О необходимости строго хранить себя в благочестии, не прилагаясь к противникам веры, предупреждает и свт. Иоанн Златоуст: «В самом деле, когда увидят язычники и иудеи, что тот, кто каждодневно бывает в церкви и постоянно слушает поучение, вдруг является там и смешивается с ними, то не сочтут ли нашего (учения) обманом и не возымеют ли такого же мнения обо всём, что есть у нас?» [6, с. 50]. В противном случае учение двуличных или нетвёрдых в вере проповедников не возымеет благотворного действия. Более того, по слову Господа (Мф. 18:7), грешник, подающий окружающим дурной пример, ложное понимание божественной истины и повод к богохульству, понесёт тяжёлое наказание: «Видишь, что живущие порочно подвергают себя не малому, но самому тяжкому наказанию, когда они будут отвечать за всё, не только за свою собственную гибель, но и за соблазн заблудших, и за безчестие живущих добродетельно, и за хулу на Бога?» [6, с. 57].

Таким образом, святые отцы говорят: приступать к Слову Божию, не предпочистив себя духовно, опасно: мало того, что Писание не раскроется перед грешником, но и сам он, став причиной соблазна для окружающих, будет подвергнут наказанию от Господа. Несомненно, именно в нежелании или неумении вести конструктивную духовную жизнь следует искать корень превратного (в силу враждебности) понимания Священного Писания т.н. «светскими», а на деле безбожными оппонентами.

5. Необходимость соответствия между подаваемым материалом и уровнем подготовки слушателей. Важный аспект повествования Библии отмечает свт. Василий Великий. Речь идёт о том, что ряд сведений об окружающей вселенной не преподан нам не только в силу отвлечения от спасения души, но

и в силу неготовности человека адекватно и с пользой для души воспринять такие сведения. Святой пишет: «Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира, но сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование, как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом» [3, с. 10]. В частности, по мнению святителя, именно данным соображением продиктована необходимость в употреблении антропоморфизмов по отношению к Богу: «Когда же приписываем Богу глас, речь и повеление, тогда под Божиим словом не разумеем звука, издаваемого словесными органами, и воздуха, приводимого в сотрясение посредством языка, но, для большей ясности учащимся, хотим в виде повеления изобразить самое мановение в воле» [3, с. 33].

Точку зрения на необходимость мудрого подхода в подаче божественного учения приземлённым читателям разделяет и свт. Иоанн Златоуст: «Поелику он знал, что такое наставление соответствует им, то и избрал этот путь <наставления от предметов видимых – иер. Д.В.>» [6, с. 10].

Наконец, в русле великих предшественников находятся и рассуждения свт. Филарета (Дроздова), который прямо указывает на причину избрания доступного способа изложения тайн бытия: «Моисей описывает шестидневное творение не как естество слов, для одних мудрых, но как богослов, для мудрых и простых вкупе. По сему о высоких действиях Божества он изъясняется, по возможности, сообразно с их достоинством и, однако, чувственно и человекообразно» [10, с. 29].

Не будучи тайной уже в апостольский период (Евр. 5:12), принцип соответствия проповеди свойствам аудитории полностью понимается и творчески воплощается в жизнь наследниками апостолов – святыми отцами. В самом деле: попытка говорить о глубоких тайнах веры с мировоззренчески неподготовленными, не имеющими основ веры слушателями не приведёт к успеху.

6. Констатация необходимости непрестанной проповеди вне зависимости от благоприятности условий.

Важное наставление всем будущим проповедникам Слова Божия даёт свт. Иоанн Златоуст. Речь идёт о необходимости непрестанного служения словом: «Хотя они <язычники – иер. Д.В.> ещё и поработаны заблуждению, но одной с нами природы, и потому нужно иметь великое о них попечение, никогда не ослабевать, но с великою тщательностью делать зависящее от нас и доставлять им приличное врачество, чтобы они, хотя и поздно, достигли истинного здравия» [6, с. 18]. Причём служение это должно осуществляться вне зависимости от обстановки. Ответственность за принятие или неприятие здравого учения несёт аудитория, но не проповедник: «Но слушаете ли вы слова мои или не слушаете, назначенная награда будет мне, потому что я исполнил весь долг свой, отдал серебро, сделал внушение. Только боюсь и беспокоюсь, чтобы чрез это самое мне не сделаться виновником большего вашего осуждения. Раб мой, сказано, ведевый волю господина своего, и не сотворивый, биен будет много (Лук. 12:47)» [6, с. 40].

Иными словами, возвешение истины не может останавливаться даже в случае противодействия. От приверженности проповедника своему служению зависит и его собственная награда у Господа, и спасение окружающих: во времена гонений именно готовность стоять за веру «даже до крови» служила (и служит) действенным средством обращения людей ко Господу.

7. Принцип непротиворечия добросовестного научного подхода религиозному знанию.

Интереснейшую тему затрагивает блж. Августин. По его замечанию, истинно добросовестный научный поиск не может приводить к результатам, вступающим в противоречие со Священным Писанием: «Такому я отвечу, что я с удовольствием достиг того самого хлеба, от которого научился не обращаться к человеку за ответом согласно с верою о том, что отвечать людям, которые стремятся клеветать на наши спасительные писания; так что всё, что только могли бы

они сказать о природе вещей на основании верных доводов, всё это, как можем мы показать, не противно нашим писаниям, – с другой стороны всё, что из каких-либо своих книг они привели бы противного нашим писаниям, т. е. католической вере, всё это, как можем мы или показать с некоторой силою, или же с несомненностью верить, совершенно ложно» [2, с. 153].

Логика данного утверждения безупречна: мир, «добро» (Быт. 1:31) сотворённый Богом, не может открывать пристальному взору добросовестного исследователя ничего, что отвращало бы взорающего от Премудрого Творца. Соответственно, спекуляции на тему видимого «расхождения» между данными человеческой науки и Писанием (а также согласными с ним богословскими утверждениями) – свидетельство несовершенства именно науки, в её текущем состоянии неспособной соответствовать логике Божественного промысла, заключённой в бытии.

8. Недопустимость использования Священного Писания, авторитета Бога и Церкви в спорах на естественнонаучные или социально-исторические темы. Важность чёткой демаркации между богословием и естественными науками подчёркивает блж. Августин. Он предостерегает от прямолинейных отсылок к Священному Писанию в случаях обсуждения мирской проблематики: «Между тем крайне позорно, даже губительно и в высшей степени опасно, что какой-нибудь неверный едва-едва удерживается от смеха, слыша, как христианин, говоря о подобных предметах яко бы на основании христианских писаний, несёт такой вздор, что, как говорится, блуждает глазами по всему небу» [2, с. 152]. Святой прямо указывает на недопустимость отсылок на чудо в случае невозможности очевидного согласования Священного Писания с наблюдаемой действительностью: «И никто не должен в опровержение их говорить так, что по действию всемогущества Божия, для которого всё возможно, даже и такие тяжёлые воды, какими мы их знаем и ощущаем, могли разливаться выше того небесного тела, на

котором находятся звёзды» [2, с. 153]. Также святой отец подчёркивает недопустимость примитивно-буквального понимания библейских образов, имеющих отношение к окружающему материальному миру: «Считаем нужным здесь снова предостеречь против того заблуждения, против которого мы предостерегали в первой книге, чтобы кто-нибудь из наших, в виду слов псалма: Основа землю на водах (Пс. 134:6), не вздумал ссылаться на это свидетельство Писаний в опровержение людей, столь тонко рассуждающих о тяжести элементов, потому что не сдерживаемые авторитетом наших Писаний и не зная, в каком смысле сказаны слова псалма, они скорее станут смеяться над свящ. книгами, чем отвергнуть то, что или восприняли на несомненных основаниях, или исследовали путём очевиднейших опытов» [2, с. 154].

Специфику Священного Писания по отношению к историческим и социальным наукам отмечает свт. Филарет (Дроздов). Он предостерегает от отношения к Библии как к рядовому историческому источнику: «Нельзя почитать книгу Бытия ни летописью всемирною, ибо её сказания до времён Авраама кратки и касаются некоторых народов преимущественно; ниже полною летописью еврейскою, ибо в ней опущены некоторые происшествия, упоминаемые последующими Пророками. Предмет книги составляют: происхождение мира, человеческого рода, веры, еврейского народа; судьба древних племён и история Церкви патриархальной» [10, с. 18].

Итак, рассматривать Священное Писание как учебник физики или историческую летопись нельзя: его назначение в другом. Соответственно, нападки на основы веры как на «антинаучные» свидетельствует только о непонимании места откровения в жизни человечества.

9. Назначение вероучения Церкви – возведение ума слушателей к Творцу. О подлинном назначении божественных писаний святые отцы, конечно, тоже говорят. Так, свт. Григорий Нисский называет автора Книги Бытия «путём

к истине»: «У учителя была не та цель, чтобы собственные свои мнения непременно поставить в закон слушателям, но чтобы учением своим соделаться для поучаемых неким путём к истине» [4].

С ним согласен и свт. Амвросий Медиоланский. Всё, что есть в мире, повествует о премудром создателе: «Ведь мир сей есть доказательство того, что он сотворён Богом, поскольку чрез видимое деяние мы обнаруживаем Творца» [1].

Такого же мнения придерживается и свт. Иоанн Златоуст. Более того, отпечаток премудрости Божией видим не только в окружающем нас мире, но и при обращении взора внутрь себя: «Действительно, человек с благомыслящею душою, если захочет исследовать каждый из видимых предметов – и что говорю: каждый из видимых предметов? – если захочет внимательно рассмотреть только собственный состав, то и из этого малаго увидит неизреченную и непостижимую силу Божию» [6, с. 27].

Итак, назначение Слова Божия – приведение людей к Богу через подачу доступной для их картины действительности, истинность которой очевидна при условии честности и благорасположения объекта проповеди. При этом откровение Божие имеет преимуществом перед т.н. «естественным богословием» свою незамутнённость, чистоту от воздействия повреждённого человеческого разума.

10. Допустимость плюрализма богословски значимых утверждений при условии их соответствия духу и букве Священного Писания. В связи с прикровенностью содержания Слова Божия святые предостерегают от категоричности в суждениях о священных предметах – по сути, от навязывания своих интерпретаций. Например, блж. Августин призывает к осторожной и взвешенной оценке чужих толкований: «Но при этом, в области предметов таинственных и весьма удалённых от нашего взора, – если бы мы прочитали что-нибудь написанное относительно таких предметов даже

и Божественное, могущее в силу одушевляющей нас спасительной веры породить новые и новые мнения, – мы не должны набрасываться ни на одно из них с такою твёрдостью, чтобы могли повалиться, если более тщательное исследование истины ниспровергнет его, ратуя [в таком случае] за своё собственное мнение, а не за мнение Божественных писаний, и желая при этом, чтобы оно, будучи нашим мнением, было мнением Писания, тогда как, наоборот, мы должны желать, чтобы мнение Писания было нашим мнением» [2, с. 151]. В другом месте святой призывает к бережному отношению к чужим богословским мнениям: «Если же контекст Писания не отвергнет того, что писатель имел в виду именно это мнение, то остаётся ещё место для вопроса, не мог ли он иметь в виду другого какого-нибудь мнения. А если мы найдём, что он мог иметь в виду и другое, то будет неизвестно, какое именно из этих двух мнений он хотел разуместь; можно даже предположить, что он имел в виду оба эти мнения, если только известные обстоятельства благоприятствуют тому и другому из них» [2, с. 151]. Тем более необходима деликатность в обращении с материалом Священного Писания: «Во внимание к такого рода явлениям и в предохранение от них, я, насколько было возможно, многосторонне изъяснил книгу Бытия и относительно слов, для упражнения нашей мысли поставленных в неясном значении, привёл различные мнения не утверждая безрассудно чего-нибудь одного, с предубеждением к другому, может быть, лучшему объяснению, чтобы каждый по собственной мерке выбирал то, что может взять, а там, где понять не может, пусть оставляет честь за Писанием Божиим, а за собою страх» [2, с. 152]. По мнению святителя, лучшим способом толкования священных текстов является привлечение других фрагментов того же Священного Писания: «В настоящем случае нам трудно понять это, но, при дальнейшем изъяснении Писаний, полагаю, нам могут встретиться места более удобные, при посредстве которых, согласно

с правилами священного авторитета, можно будет если не высказать что-нибудь несомненное, то думать вероятное относительно этого предмета» [2, с. 164]. В целом святой подаёт пример богословского смирения: «Ибо я не настаиваю на своём мнении в такой степени, чтобы не допускал возможности найти другое, заслуживающее предпочтения, мнение, как настаиваю на том, что Священное Писание не хотело внушать нам мысли, чтобы покой Божий последовал за утомлением или тягостями работы» [2, с. 190].

Необходимость согласия мировоззренческих выводов со Священным Писанием подчёркивает и свт. Василий Великий: «...однако же не осмеливаемся поэтому утверждать, что твердь состоит или из одного простого вещества, или из смешения простых веществ, ибо мы научены Писанием не давать себе свободы представлять умом что-либо, кроме дозволенного» [3, с. 44]. Он же объясняет причину такой необходимости – смирение ограниченного человеческого ума перед бесконечным божественным: «Сего, кажется мне, не уразумели те, которые по собственному своему уразумению вознамерились придать некоторую важность Писанию какими-то наведениями и приношениями. Но это значит ставить себя премудрее словес Духа и под видом толкования вводить собственные свои мысли. Посему так и будем разуметь, как написано» [3, с. 135]. В этом же духе трепетного смирения перед святыней выдержан и комментарий святителя Иоанна Златоуста: «Надобно с великою благодарностию принимать слова (Писания) и, не выступая за пределы нашей природы, не испытывать того, что выше нас, а только знать и держать у себя (в уме), что по повелению Господа произошла твердь, которая разделяет воды, и одну часть их содержит под собою, а другую выше лежащую может носить на своей поверхности» [6, с. 25].

Итак, с одной стороны, Священное Писание может допускать множественные благочестивые толкования. Вместе с тем,

нельзя использовать Библию для подтверждения собственных произвольных построений: святыня требует благоговения.

Таким образом, анализ толкований на первую главу Книги Бытия с несомненностью показывает, на наш взгляд, что апологетическая деятельность святых отцов сопровождалась их активной саморефлексией. Светила богословия как IV–V вв., так и XIX в. не только были готовы отстаивать истины Православия *ad hoc*, не только опирались на всю наличную премудрость – как языческую, так, и, разумеется, православную, но и имели твёрдое представление о прагматических свойствах проповеди: когда и кому, в каких словах возвещать Слово Божие – а когда проповедь нецелесообразна. Так, к апологетической деятельности в целом святые отцы предъявляли целый ряд требований. Часть из них касается воззрений проповедника. Прежде всего, это понятие о единстве и преемстве духовного содержания Писания; затем признание целесообразности творения Божия как базовая предпосылка богословия; целомудренное смирение человеческого ума перед сущностью Бога и Его Промыслом; благочестие как неперемнное требование к проповеднику Слова Божия; необходимость соответствия между подаваемым материалом и уровнем подготовки слушателей; проповедь вне зависимости от благоприятности условий.

Ещё ряд апологетических принципов святых отцов относится к остроактуальному и поныне вопросу демаркации между научной деятельностью и богословием. Святые указывают на отчётливую грань между чувственным и интеллектуальным исследованием окружающего нас мира и прикосновением к святыне Божественного откровения. Это и осознание невозможности противоречий между подлинной наукой и богопочитанием; и недопустимость попыток опровержения научных выкладок с опорой на Священное Писание; понимание того, что вероучительные тексты имеют своим предназначением проповедь божественных истин, а не естественнонаучное или историческое про-

свещение; наконец, допустимость множественных богословских толкований, соответствующих Священному Писанию.

Источники и литература

1. Амвросий Медиоланский, свт. Шестоднев. Книга первая. О первом деянии Божьем : пер. Е. В. Амбросимовой / святитель Амвросий Медиоланский // Миссионерско-просветительский Центр «Шестоднев» : [сайт]. – Обновляется в течение суток. – URL: http://www.creatio.orthodoxy.ru/fathers/amvrosi_mediolan-sky.html (дата обращения: 05.04.2023). – Текст : электронный.

2. Библиотека отцов и учителей Церкви : в 14 т. – Москва : Паломник, 1997. – Т. 5 : Бл. Августин, епископ Иппонский. Творения. – 846 с.

3. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. – Изд. 4-е. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Лавра, 1900–1902. – Ч. 1. – 1900. – 345 с.

4. Григорий Нисский, святитель. О Шестодневе, слово защитительное брату Петру // Азбука веры : [сайт]. – Обновляется в течение суток. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskij/o_shestodneve (дата обращения: 11.04.2023). – Текст : электронный.

5. Игнатий Брянчанинов, святитель. Аскетические опыты / Игнатий Брянчанинов, святитель. В 2-х т. Т. 1. – Москва : Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2010.

6. Творения отца нашего, свт. Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского, в русском переводе. В 12-ти т. – СПб. : Изд. СПбДА, 1898–1906. – Т. 4. – Кн. 1. – 1898. – 468 с.

7. Лега, В. П. Основное богословие или христианская апологетика: курс лекций, ДВГУ, 2000. / В. П. Лега. – Москва: Изд. Свято-Тихоновского Богословского института, 2004. – 134 с.

8. Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины : основное богословие / А. И. Осипов; протоиерей Илия Амбарцумов, И. В. Леднев. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2011.

9. Иоанн Мейендорф, протопресвитер. Введение в святоотеческое богословие : пер. с англ. Ларисы Волохонской / протопресвитер Иоанн Мейендорф. – Нью-Йорк : [б.и.], 1985. – 229 с.

10. Филарет (Дроздов), свт. Толкование на Книгу Бытия / святитель Филарет (Дроздов). – Москва : Лепта-Пресс, 2004.

Priest Dionisy Vasiliev

GENERAL PRINCIPLES OF APOLOGETICS IN PATRISTIC COMMENTARIES TO THE CHAPTER 1, GENESIS

Abstract: The article is devoted to the patristic principles of apologetics. The statements of the holy fathers of the 4th–5th centuries AD (St. Basil the Great, Gregory of Nyssa, John Chrysostom, Ambrose of Milan, blessed Augustine of Hippo) and the 19th century AD (St. Filaret (Drozdo)) are considered. These statements determine the approach of the authors to the defense of Orthodoxy, contained in their comments on the Chapter 1, the Book of Genesis. The author comes to the conclusion that the interpretation of the Chapter 1, the Book of Genesis, shows that the apologetic activity of the holy fathers was accompanied by their active self-reflection.

Key words: Orthodoxy, apologetics, science, religion, holy fathers, comments, Genesis.

References

1. Ambrose of Milan, St. Shestodnev. Kniga pervaya. O pervom deyanii Bozh'em [Six days. Book one. On the first act of God]. [Electron-

ic resource]. Mode of access: http://www.creatio.orthodoxy.ru/fathers/amvrosi_mediolansky.html (accessed: 05.04.2023). In Russian.

2. Biblioteka otcov i uchitelej Cerkvi: v 14 t. [Library of the Fathers and Teachers of the Church: in 14 volumes]. Moscow, 1997. Vol. 5: Bl. Augustine, Bishop of Hippo. Creations. 846 p. In Russian.

3. Tvoreniya izhe vo svyatyh otca nashego Vasiliya Velikago, Arhiepiskopa Kesarii Kappadokijskiya [Creations of our father st Basil the Great, Archbishop of Caesarea Cappadocia]. Ed. 4th. Sergiev-Posad, 1900–1902. Part 1. 1900, 345 p. In Russian.

4. Gregory of Nyssa, saint. O Shestodneve, slovo zashchitel'noe bratu Petru [On Shestodneve, a protective word to brother Peter]. [Electronic resource]. Mode of access: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskij/o_shestodneve (accessed: 11.04.2023). In Russian.

5. Ignatius Brianchaninov, saint. Asketicheskie opyty [Ascetic experiences]. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 2010. In Russian.

6. Tvoreniya otca nashego, svt. Ioanna Zlatousta, arhiep. Konstantinopol'skogo v russkom perevode [The works of our father, St. John Chrysostom, Archbishop Constantinople in Russian translation. In 12 volumes]. St. Petersburg, 1898–1906. Vol. 4. Book. 1. 1898, 468 p. In Russian.

7. Lega V. P. Osnovnoe bogoslovie ili hristianskaya apologetika: kurs lekcij [Basic theology or Christian apologetics: a course of lectures]. Moscow, 2004, 134 p. In Russian.

8. Osipov A. I., Ambartsumov Ilya, archpriest, Lednev I. V. Put' razuma v poiskah istiny: osnovnoe bogoslovie [The path of reason in search of truth: basic theology]. St. Petersburg, 2011. In Russian.

9. Meyendorff John, Protopresbyter. Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie: per. s angl. Larisy Volohonskoj [Introduction to patristic theology: trans. from English by Larisa Volokhonskaya]. New York: [b.i.], 1985, 229 p. In Russian.

10. Philaret (Drozdov), St. Tolkovanie na Knigu Bytiya [Interpretation of the Book of Genesis]. Moscow, 2004. In Russian.